

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ X-XX вв.

Более чем 1000-летняя история России так или иначе прошла в военной борьбе за выживание и развитие. Шесть веков (более половины отечественной истории) заняло объединение Руси, другую половину - укрепление позиций России на континенте и ее естественноисторический рост, что также связано с целым рядом войн. XX в. в истории России принес аналогичные испытания. Да и нынешний конец тысячелетия в данном смысле мало чем отличается от его начала: все прежние проблемы налицо и теперь.

Ген. Н.Н.Сухотин (1847-1918) автор «Войны в истории русского мира», выделяет 5 периодов войн России за утверждение на континенте и стабилизацию своих рубежей. Операционные линии войн 1-го периода (862-1054), практически не изменились за все последующие века: менялись обстоятельства, проблемы, противники, но опасные направления оставались теми же самими.

2-й период истории России (феодалных усобиц) заняла борьба с татаро-монгольским игом, 3-й (от Куликовской битвы до конца ХУП в.) – объединение и расширение государства до берегов Ледовитого и Тихого океанов. В этот период почти два века из трех Россия воевала, из них 100 лет - с несколькими противниками одновременно. 4-й период – до конца царствования Петра Великого – практически весь приходится на победоносную Северную войну, что вывела Россию в число великих держав. В 5-й период Россия достигла размеров более чем шестой части земного шара. На этом циклы войн и других потрясений не закончились; новейший период принес их в изобилии, чем не мог не обогатить историю войн и военного искусства.

Каждый период военной истории России своеобразен как событиями, так и характером военной мысли. Уровень развития теории военного искусства не только (и даже не столько) зависит от боевого опыта войск и полководцев, сколько от факторов более фундаментальных и общих – степени зрелости и упорядоченности государства, уровня развития культуры материальной и духовной. В 1-й период восходящего развития русского этноса и государственности успешно развивались и войско, и военное искусство. Русь отстояла себя в борьбе с кочевыми соседями и заставила себя уважать стоявшую за ними Византию. Ярослав Мудрый, объединив Русь, возглавил одну из великих держав Европы. За этот период полководцы Руси превратились из военачальников (Олег, Святослав) в государственных стратегов на все руки (Владимир Святой, Ярослав Мудрый). Первые двое успешно и славно воевали, но проиграли политически; вторые двое прославили себя строительством государства и его

обороной в едином процессе высшей стратегии. Так, уже 1000 лет назад на Руси знали, что объектом стратегии является не сама война, а политика безопасности государства, предметом военной мысли – не только и не столько боевые действия, сколько решение проблем политики вооруженным насилием как средством – одним из многих, но крайним.

Во 2-й период Русь увязла в феодальных усобицах. И если в первой четверти XII в. еще видны блестящие успехи и победы Владимира Мономаха, то затем деградируют и государственность, и военное дело. Поход князя Игоря против половцев (1185) политически бесцелен и даже вреден, а в чисто военном смысле просто безграмотен. Еще хуже повернулось дело с появлением татаро-монголов. На Калке (1223) и Сити (1237) аморфные русские ополчения без единого командования, оптимальной организации, дисциплины и тактики оказались беспомощны против четко и слаженно действовавших регулярных войск Чингисхана и Батыея. В этих событиях превосходство государственности и военно-политической мысли (военной философии и стратегии) оказалось всецело на стороне завоевателей. Русь могла противопоставить им храбрость и мастерство отдельных бойцов, но не армию и военную мысль.

Однако уже через 3-5 лет после Сити Александр Невский продемонстрировал сочетание лучших русских традиций с татаро-монгольским военным искусством. На Неве в 1240 г. он отказался от «правильного» боя западного типа как коллективного единоборства, атаковав шведов по-партизански внезапно, решительно и беспощадно. На Чудском озере в 1242 г. он применяет принципы китайско-монгольской стратегии и тактики еще полнее: победу обеспечивает задолго до боя, бой ведет с заданным результатом. По оценке военного классика ген. А.А.Свечина, «татарские уроки» вполне были усвоены: активные действия лучников, полков правой и левой руки, большого, сторожевого, засадного, заманивание «псов-рыцарей» в ловушку. Были применены и методы древнекитайского классика Сунь-цзы, наследие которого освоили татаро-монголы: сковать противника правильным боем пешего ополчения; расплющить «свинью» о его строй, прижатый к высокому речному берегу; опрокинуть, преследовать и громить из засады маневром регулярной конницы. В последующие двадцать лет своей жизни Александр Невский совершил серию беспримерных походов в «восточном» стиле, дерзких, маневренных, эффективных. В одном из них он зимой пересек Полярный круг, освободив Карелию от шведов. Итоги войн Александра шведы признавали безропотно целых полтора века после его смерти.

Александр Невский был достаточно скоро канонизирован. Но вслед за ним прославился и был канонизирован полководец его стиля – князь Довмонт-Тимофей Псковский. Он также известен как бескорыстием и благородством (не прибегал к завоеваниям, отстаивал справедливость), так и военным искусством. Не раз он принимал бой с десятикратно и более превосходящим противником – и побеждал; при этом из крестоносцев спасалась едва ли десятая часть. В последний месяц жизни (апрель 1299) Довмонт сумел в жестоком ночном бою внезапным контрударом выбить из Пскова проникших туда рыцарей-крестоносцев, а наутро столь же внезапно разгромить их в поле.

С т.зр. военной мысли свв. Александр и Тимофей-Довмонт «отрепетировали» позднейшую Куликовскую битву. Эта битва в 1380 г. показала, что Русь безусловно овладела наследием Сунь-цзы и Чингис-хана, их принципами и стратегемами. Сунь-цзы не мог бы найти лучшей иллюстрации положений своего древнейшего в мире военного трактата как в плане тактики, так и стратегии. До самого конца битвы Мамай не догадывался, что не он заманил Дмитрия на Куликово поле, а его самого заманили в ловушку; что стихийность и случайность хода войны, операции и боя умело разыграны русским командованием. Однако высшую оценку развитию Московской Руси и ее победе в Куликовской битве выставил через 15 лет непобедимый Тимур – правитель тогдашней сверхдержавы. Почувствовав себя под Ельцом на краю нового Куликова поля размером во всю Русь, он предпочел отойти, и был прав: Русь провела мобилизацию и стратегическое развертывание организовано и по правилам, которые всю жизнь соблюдал сам Тамерлан.

Ровно через 100 лет после Куликовской битвы татаро-монгольское иго было окончательно свергнуто т.н. «стоянием на Угре». Само это понятие вовсе не предполагало просто выдвижения обсервационной армии на границу степи. Операция высшей стратегии охватила весь регион Восточной Европы (что позволило изолировать Большую орду), операция военная состояла в маневренном прикрытии рубежей и недопущении переправы противника через естественные преграды. В то время как «главные» силы сковывали врага, летучий корпус воеводы Ноздреватого и вассального татарского царевича Нур Давлета совершил рейд вниз по Волге. Столица Орды была разгромлена, тылы – опустошены; хану Ахмаду с Угры стало некуда возвращаться. Еще раз подтвердилась правота Сунь-цзы: обеспечить победу предварительными расчетами и политикой, сковать линейными силами, разгромить – маневренными; главный объект действий – не армия противника, а в целом его государство.

В ХУ1-ХУП вв. (до конца третьего периода по Н.Н.Сухотину) русская стратегия старалась придерживаться тех же принципов и правил в борьбе со степными и западными соседями. Но в ХУП в. русская государственность и ее армия начали терять организованность и регулярность; поместно-стрелецкие ополчения не выдерживали конкуренции не только с западными армиями (даже польской), но и крымскими татарами. Все более напоминая удельные формирования, русское войско (а с ним Россия) стояли перед лицом новой Калки и новой Сити. Такая государственность и армия не могли применять стратегемы и дерзкий маневр, приносящие победу даже слабейшему. Частичные и разрозненные попытки царя Алексея Михайловича реформировать государство, внести новые регулярные начала в армию успеха не принесли; его добился Петр Великий. Он вел Северную войну по правилам не западной линейности, неуклюжих и боязливых маневров вокруг складов и крепостей, а масштабно и дерзко. Эти масштабность и дерзость не были авантюрой и бесшабашным риском. Новая армия следовала принципам борьбы с татаро-монгольским игом: опора на ум и умение, расчет и заблаговременная подготовка театра войны во всех отношениях, абсолютное навязывание инициативы противнику, масштабный маневр летучих корпусов (Лесная), бои с заданным результатом (Полтава). Если противник (Карл XII) делал ставку на правильный бой и победу в генеральном сражении, то Петр – наоборот: не на сокрушение противника в азарте генерального боя, а на его поэтапное истощение с нейтрализацией всех его сильных сторон. Так, при Полтаве боевые порядки профессионалов Карла (превосходивших русских солдат выучкой группового и одиночного боя) были расстроены полевой фортификацией и огнем артиллерии, перестав существовать как слаженный боевой организм. Сильнейший враг был разгромлен с минимальными потерями.

В течение ХУШ в. указанная тенденция активной и продуманной обороны, превосходства ума и искусства над силой получила развитие и укрепилась. Эта метода небезболезненно, но все же была восстановлена в ходе Семилетней войны фельдмаршалом Салтыковым, молодыми генералами Румянцевым и Суворовым, ее усвоил молодой офицер Кутузов. Мы склонны забывать, что молодые новаторы сформировались в маневренных операциях военно-партизанского типа силами легкой пехоты и кавалерии. Реформа армии, проведенная при Екатерине II кн. Потемкиным-Таврическим, закрепила тенденцию воевать «не числом, а умением». Эта система принесла много побед, позволила вернуть все древнерусские земли и Причерноморье, доказала свою действенность в столкновении с революционером стратегии – Наполеоном (уже Суворов начал его

побеждать). В 1812 г. стратегия по принципу «большим умом, малыми силами» привела к победе над Наполеоном: его Великая армия «была истреблена, не будучи разбитой». Кутузов – образцовый последователь древнекитайских классиков и великих полководцев евразийского средневековья. Он сделал ставку на истощение противника, искавшего победы в генеральном сражении; сам же генеральное сражение (Бородино) лишь имитировал. Врага сковали основные силы регулярной армии, летучие же корпуса и военные партизаны при поддержке народа били его по частям (истощение противника активной обороной с постепенным, но скорым вытеснением из страны его остатков).

В период после Петра Великого указанные начала стратегии постепенно стали классикой военной мысли - отчасти еще и потому, что авторы классических трактатов прошли через русскую армию. При Екатерине II это был англичанин Г.Ллойд – наемник, последовательно менявший службу в побежденной армии на службу победителю. А поскольку Фридрих II разбил австрийцев, сам же был разбит русской армией, Ллойд стал русским офицером. В период наполеоновских войн в русскую армию вступил в 1812 г. прусский полковник К.Клаузевиц (участник Бородинского сражения) и в 1813 г. французский генерал, швейцарец А. де Жомини. Да и Фридрих II стал Великим лишь потому, что по-своему развил указанные выше начала, позволявшие воевать в геополитическом окружении с превосходящим по силе противником.

Итак, русская военная мысль возникла не из чистого разума, а из длительного исторического опыта. Долгое время оставаясь мыслью практической, она не получала должного и полного теоретического оформления. Но длительные, масштабные и решительные войны начала XIX в. (силами ряда государств и больших армий) потребовали дополнить структуры правительства и командования не просто квалифицированными офицерами генштаба, но специально, академически подготовленными. Прежние квартирмейстеры и колонновожатые по должности, но не специальности перестали справляться с планированием операций и боев, всесторонней подготовкой государства к войне, задачами обороны и развития в мирное время. Личный опыт этих офицеров и генералом требовалось обогатить опытом историческим в виде теории, подняв их знания на новый уровень качества.

По определению ген. А.А.Свечина, наука есть такое знание, которым облегчается понимание практики, жизни. Чем же задавался новый уровень качества этого знания, под углом зрения каких жизненных приоритетов формировался?

Отношение русского народа к войне как социальному явлению формировалось многовековым трагическим опытом. В Западной Европе война могла быть в течение средневековья и нового времени профессией, даже спортом. Явлений типа татаро-монгольского ига европейский «полуостров» Евразии просто не знал. Не знал он и открытых во все стороны границ, в которых формировались Русь и Россия. Ген. М.Д.Скобелев выразил едва ли не общий взгляд военной элиты России на войну как «народное бедствие», а потому дело сверхсерьезное и ответственное. Но никто из военных мыслителей и полководцев России не взялся бы утверждать, как первый директор Царскосельского лицея Малиновский, что «война есть средоточие всех зол на свете...соединяющее всю свирепость зверей с искусством человеческого разума на пагубу людей». Просветительский пацифизм не просто осуждает войну, а нигилистски ее отрицает как абсурд, даже не пытаясь разобраться в ее причинах и характере. Не «восходя к корням явлений» (как советует военный классик подп. Языков), нельзя ни уяснить причин и природы войны, ни найти ей реальное противоядие в военно-политическом искусстве стратегии. Врач не «отрицает» недуг, а изыскивает лекарства и вакцины, меры профилактики и лечения. В философской мысли древнего Китая, средневекового Арабского Востока, в русской общественной мысли постепенно утвердилось понятие войны как политической хирургии - на третьем месте после профилактики и терапии. (В.Соловьев также расставил здесь философские точки над «и».)

Взгляды Малиновского вызвали критику уже в его время. Полк. Ф.Глинка указывает, что сверхнасилие несвойственно животному миру; лишь человек да ласка убивают больше, чем требуется для пропитания. Эпитет «соединение всех зол на свете» говорит скорее о том, что война не сама порождает зло, а лишь его отражает; зло коренится вне ее. Противоречие, не замеченное просвещенным директором Лицея, от века сознавал русский народ. Ему куда ближе бывали слова: «наша Слава – русская держава...», и никак не меньше «наши отцы – русски полководцы». «Доблесть войска и воодушевление народа», подмеченные К.Клаузевицем в России 1812 г. и ставшие классическими элементами стратегии, коренятся в доверии к государственной и военной «мудрости вождей», которую классик и ставит на первое место. Многовековой опыт народа подсказывал, что войны бывают справедливыми и вынужденными, а бывают и несправедливыми. Критерии того и другого лежат вне войны как таковой.

Как подчеркивает ген. Н.П.Михневич (также классик, нач. Главного штаба в 1911-17 гг.) победа на войне лишь отражает победу в развитии, историческом прогрессе – иными словами, степень исторического величия народа. Но это

величие народа, отмечает сотник Леонов (преподаватель Новочеркасской гимназии Войска Донского) «тем выше, тем ярче светит, чем больше силы в средствах, святости – в целях и справедливости – в основах». О том, что стоит за этими положениями, узнаем из лекции полковника Ф.Глинки (знаменитого автора «Писем русского офицера» о 1812 г.) в штабе Гвардии в 1818 г. «Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг». Ф.Глинка напоминает, что у русского воина «неприятель перед глазами, Бог – в сердце»; воин-гражданин по-настоящему воюет «за свободу родины и права угнетенных народов». (Шестьдесят два года спустя ген. М.Д.Скобелев напишет в своем приказе войскам: «Из рабов мы должны сделать людей – это ценнее всех наших побед».) При этом «Вера ему указывает блестящую цель, десница Мудрости – извлекает из блата» (невежества). «Премудрость сыне свои вознесе», - цитирует полк. Глинка «Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова» из Ветхого Завета, где даны критерии этой мудрости.

Полк. Глинка безошибочно выбрал фрагмент Священного Писания, чему свидетельством проповедь видного деятеля русской науки и церкви, академика, митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова). При освящении храма св. Георгия в Киеве близ того места, где прежде стоял собор св. Софии Премудрости Божией, митрополит Евгений напомнил, что храм посвящен Ярославу Мудрому, чье православное имя - Георгий. «Первую славу восписует Иисус сын Сирахов ... не всем, а тем токмо, кои суть мужи имениты силою, советующе разумом своим и просвещающим в пророчествах. Истинно славные государи, - продолжает митрополит Евгений, - те, кои сильны защитить свой народ, страшны врагам его, грозны злым между подданными, мощны заступники угнетенным, деятельны на побуждение всех к исполнению обязанностей, неутомимы в подвигах правления, жертвуют своим покоем благу общему, истощают все средства к преуспеянию добра и предупреждению зла...государи, одаренные пронизательным разумом, умеющие отличить истину от лукавства, пользу от благовидного вреда».

«Сила государства – в войске, войска – в добродетели», - поясняет полк. Глинка. Мудрость соединяет ум и мораль. Так, а не сциентистском смысле надо понимать слова Жомини: «гений - умение отличать хорошую систему от плохой». Аналогична мысль капитана кн. МаксUTOва: «Народ силен духом, дух – знанием, развитием, просвещением»; дух и мораль должны быть поняты не только мистически, но и рационально. Наполеон признавал силы моральные как минимум втрое превосходящими силы физические. Но простого воодушевления мало, чтобы, по определению Богдановича, «возбудить людей к подвигам,

превосходящим их физические силы». Ген. Свечин указывает, что неверно сводить мораль к доблестному энтузиазму: лишь «верная оценка положения приносит победу». В чем же состоит верная оценка, и каков к ней путь?

Способность предугадать (развитие событий) есть вернейший признак знания, считает ген. Михневич. Это пророческое искусство вождя состоит в умении, во-1-х, усмотреть верную цель (при участии веры, считает Ф.Глинка) и, во-2-х, верный путь к ее достижению (у Глинки - с помощью мудрости). Цель и Путь образуют единую ЦЕПЬ. По мысли профессора Московского университета Я. де Санглена (1808), этой цепью победу можно приковать к колеснице победителя. Но что такое сама победа, как достигнуть ее? Победа, считает К.Клаузевиц, состоит в «уничтожении» противника – в том смысле, что он теряет способность к сопротивлению, и не более. Перестав сопротивляться, он подчиняется нашей воле. В этом, подчеркивает ген. Г.А.Леер, суть захвата инициативы – синонима победы. Такова цель, но каков к ней путь? «Сбережение собственных сил...при истощении сил противника», - отвечает К.Клаузевиц.

Под силами Клаузевиц подразумевает не одну армию, а намного больше – все общество и государство. Иначе и не бывает, коль скоро война лишь средство политики. «Война воплощается во все возможные формы», разъясняет ген. Михневич это понятие «войны-хамелеона», введенное Клаузевицем. Полк. Д.А.Милютин (1848; впоследствии фельдмаршал, граф и военный министр) прямо указывает, что под «военными силами» нужно понимать не одну армию, а все силы и средства общества. Наконец, ген. А.Агапеев не видит возможности вести «войну наверняка» с опорой только на вооруженные силы. Привычную форму ведения войны – бой он считает «первобытным» средством, на котором нельзя строить расчетов победы. Антоним «войны наверняка» – война «ва банк», которую кап. кн. Максудов (погиб в Маньчжурии) в своей одноименной работе характеризует как авантюру, азартную игру. Но война, подчеркивает Максудов, вовсе не азартная игра в карты. Это, конечно, игра, дополняет его ген. Леер, но – игра вероятностей под контролем полководца-пророка (у полк. Ф.Глинки теория вероятности - важнейшее для стратегии открытие эпохи Просвещения). Игра вероятностей под контролем полководца, указывает А.Жомини, означает предварительную и всестороннюю подготовку театра войны для операций и боев с заданным результатом. Риск на войне остается, но в «войне наверняка» он сведен к минимуму: бою, боевым действиям отведена подчиненная роль, на решение вопросов боем ставка не делается. Всесторонняя подготовка театра войны в военном и невоенном («военном» по-милютински) смысле позволяет «благоразумием и деятельностью восполнить недостаток сил» (Суворов) – как

вооруженных, так и любых других. Остается уточнить, что именно подразумевает А.В.Суворов под благоразумием и деятельностью.

«Хорошая организация – ключ к победе», пишет А.Топорков в «Методы военных наук». К знанию - компоненту мудрости это относится в первую очередь. Суворов бегло намечает ее в знаменитой триаде «глазомер-быстрота-натиск», полк. Ф.Глинка приоткрывает над ней завесу. Его лекция посвящена суворовской организации знания в мудрость: «деятельная жизнь, ученые упражнения и чтение книг» – 3 ее слагаемых. Но это не простые слагаемые, а звенья цельной системы – «цепи» Я. де Санглена. Соподчиненность ее звеньев намечена Ф.Глинкой в идее человечества как «души мира» и «большой семьи» из трех поколений – прошлого, настоящего, будущего. Каждое поколение в свое время находится между прошлым и будущим (в настоящем), т.е. сразу во всех 3 модусах истории: вчерашнее познание оборачивается сегодняшними открытиями и завтрашней опытностью. Им соответствуют, уточняет Ф.Глинка, суворовские «чтение книг, ученые занятия, деятельная жизнь». Они последовательно дают знание, его развитие и просвещение. Соответственно, познавательное чтение формирует ценностно-целевой (аксио-деонтологический) глазомер («духовное око»), ученые упражнения ведут к открытиям – понятийной (гносеологической) «быстроте»; наконец, праксеологически насыщенная (опытом) деятельность есть результативный «натиск». Иными словами, развитие знания учеными занятиями делает возможным «просвещенный натиск» Мудрости.

Ген. Леер выделяет «три великие силы» – знание, вдохновение, здравый смысл; в них «тайна великих дел» (аббревиатура та же, что у театра военных действий – ТВД), они взаимно соответствуют триаде Суворова. Вдохновение – быстро сделанный расчет на основе заблаговременной подготовки; оно же – здравый смысл, уравновешенный наукой (их равнодействующая). Наряду с ними ум и воля как абсцисса и ордината образуют «квадрат». Их носитель – идеальный человек, по латыни «Homo Quadratus». (Аббревиатура та же, что у ставки главного командования – «HauptQuartier».) Офицеры генштаба призваны воплотить идеальное равновесие ума и воли. Наконец, известен и квадрат «трех великих сил» – интегративная формула цивилизации, да и вселенной в целом – «aequitas mundi». Она образовалась на основе триады Суворова, но более сложным путем.

Чтобы управлять миром и фортуной, по-суворовски ее упреждая, надо знать, по каким принципам мир и судьба устроены, как они действуют. Полтора века назад (1848) Д.А.Милютин оценил совокупный потенциал цивилизации – аристотелеву триаду «страна-народ-государство» как триединство «территория-

силы-средства» стратегии. Правильно поставив вопрос, он не сумел разрешить его далее. Ген. Г.А.Леер (в 1889-98 начальник Академии Генштаба) поставил вопрос о том, что стратегия нуждается в географическом прикрытии и политическом обеспечении, сама же должна опираться на прочный фундамент истории. Но и Леер, сделав целый ряд важных открытий, так и не смог сформулировать «уравнение мира». Это сделал правнук митрополита Евгения, выдающийся русский стратег ген. А.Е.Снесарев (1865-1937) – ученый-энциклопедист, востоковед, полководец, философ, ученик ген. Леера и выпускник АГШ в 1899 г. А.Е.Снесарев синтезировал наследие Аристотеля, Ломоносова, Клаузевица, Милютина, Леера, Менделеева. Полководцу в предельно напряженной обстановке, подчас моментально приходится решать «уравнения», достойные Ньютона и ему подобных светил. А.Е.Снесарев в 1887 г. при окончании Московского университета получил золотую медаль за работу на тему, которой до него занимались разве что Ньютон и Лейбниц. Ген. Снесарев – человек науки, практики, искусства, талантливый музыкант и оперный певец. Все это позволяло ему подходить к явлениям войны и мира с чувством гармонии. Когда А.Топорков пишет, что уравнение «войны-хамелеона» наконец найдено, он имеет в виду заслуги своего учителя ген. А.Е.Снесарева (начальника Академии Генштаба в 1919-21 гг.) и его «уравнение мира» (вселенной).

А.Е.Снесарев взял за основу мысли Наполеона и Менделеева о том, что дух управляет материей, превращает пассивные материальные массы в действенные силы, активизирует их энергию и заставляет работать. Сперва ген. Снесарев уточнил понятие духовных сил, данное Клаузевицем под впечатлением России 1812 г. как «мудрость вождя, доблесть войска, воодушевление народа», но дополнил ее элементом праксеологическим – «приемами». Усовершенствованную формулу духовного потенциала Ψ ген. Снесарев приводит как ЦЕли, Понятия, Приемы (ЦЕПЬ, у ген. Свечина просто «ЦЕль и Путь»). Затем А.Е.Снесарев уточняет материальную триаду Милютина в редакции Куропаткина (сумму территории, экономики и армии), расширив ее до суммы территории, *населения*, хозяйства и армии (отраженную в серии из четырех монографий об Индии). Две взаимодополняющих версии «уравнения мира» (из 6 и 8 слагаемых, перемноженных в виде двух сумм как сомножителей) образуют «квадрат» наподобие таблицы Менделеева – периодическую таблицу стратегических элементов. Вариант с 8 слагаемыми с применением условных чисел дает в итоговое произведение 64 – структуру шахматной доски или сферы (8 сторон света в квадрате).

Шестиричный вариант формулы был, очевидно, для А.Е.Снесарева основополагающим, отчего он и свел целевой и ценностный элементы в единый ценностно-целевой. Именно здесь, через 6 слагаемых и 2 суммы с их итоговым произведением ему удалось осуществить соловьевское «одухотворение материи». Данный вариант формулы – трактовка 7 ступеней и 7 «столпов мудрости» храмов Соломона и Софии Премудрости Божией. Поиск А.Е.Снесарева в данном направлении неслучаен: еще в 1828 г. профессор военных наук Московского университета Г.Мягков писал, что наукой на полководца ниспосылается «благодать от Святого Духа». А.Е.Снесарев как сын священника и правнук митрополита Евгения не мог не заметить, что Г.Мягков имеет в виду преамбулу «Небесной иерархии» Дионисия Ареопагита. 7 ступеней храма св. Софии - Вера, Надежда, Любовь, Чистота, Смирение, Благодать, итоговая Слава (которую троекратно поминает А.В.Суворов в «Науке побеждать»). В формуле ген. Снесарева эти слагаемые предстают как: ресурс Веры, энергия Надежды, труд Любви, Чистота приоритетов, Смирение понятий, Благодать искусства (деятельности), Слава Господня. На данный подход ген. Снесарева указывают суворовская заповедь «Стой за дом Пресвятой Богородицы» (Россию), «Бог в сердце» и «длань Мудрости» у Ф.Глинки и, наконец, замечательная проповедь митрополита Евгения о Ярославле-Георгии как явлении Премудрости Божией.

На этом А.Е.Снесарев не остановился и в 1923 г. написал во всех отношениях новаторскую статью «Гримасы стратегии». Многие не поняли, что под «гримасами» подразумевается природа «войны-хамелеона» (понятие, введенное Клаузевицем). В силу своей всеохватности она требует интегрального полководца – политика, экономиста, военачальника, идеолога, психолога и т.д. (сам ген. Снесарев был таким полководцем – владел дюжиной специальностей и примерно двадцатью иностранными языками). Но чтобы воспитать такого полководца-пророка, его нужно как бы провести по 9 ярусам Небесной иерархии. Именно это имеет в виду А.Е.Снесарев. Он дополняет 3 традиционных добродетели воина – мужество, находчивость и военный талант – их высшими трансформациями: терпением, расчетом и выдержкой. Это необходимо, ибо критерий величия таких героев, как Александр, Петр и Фридрих Великие – «умение не давать боя» («не по своей инициативе», - поясняет ген. Снесарев слова двух классиков стратегии - Г.Ллойда и Сунь-цзы). Иллюстрацией указанного снесаревского подхода к стратегической мудрости (и доказательством ее практичности) мог бы служить один из туркестанских приказов М.Д.Скобелева, который гласит: «оборона должна быть всегда активной, задорной по обстоятельствам, но всегда осторожной... (необходимо) беречь людей».

Еще выше стоят их дальнейшие трансформации - добродетели просвещения, духовных сил и искусства (о которых как изолированной группе упоминают авторы XIX в.). В итоге получается «небесная иерархия» степеней интегрального полководчества: Ангелы мужества, Архангелы находчивости, Силы военного таланта, Власти терпения, Начала расчета, Господства выдержки, Престолы просвещения, Херувимы духовных сил, Серафимы благодатного искусства. В исходной «формуле мира» у А.Е.Снесарева 6 сомножителей – как 6 крыльев серафима. (Данная схема позволяет, в частности, вычислить, где именно пушкинский Пророк встретился с серафимом.) Расширенная 8-ричная версия формулы играет оперативную роль, но позволяет достичь «великого предела» (итоговой «девятки»). Системный подход ген. Снесарева к миру основан на закономерности, открытой им едва ли не ранее В.В.Вернадского. Мироздание (и материя, и дух) устроено как триада ресурса, энергии и производной от них работы. Схема Аристотеля-Глинки-Милютин-Леера начинает выглядеть по-новому: страна географически складывается в прошлом, народ исторически развивается в настоящем, государство политически нацелено в будущее, а геополитика предстает как гео(историо)политика. В пространстве гео(историо)политики мы видим ресурсы страны, энергию народа, работу государства, во временном измерении – ресурс прошлого, энергию настоящего, работу на будущее. Остается распределить все общественные и природные явления по этим трем категориям сущности; тело, душа и дух человека также займут отведенные им места. Станет, например, ясно, что столь же бессмысленно подчинять общественное развитие экономике (потенциалу «энергетическому»), как и тратить всю энергию пара на паровозный гудок.

В рамках указанной теории А.Е.Снесарев в 1920 г. сформулировал принципы единой военной доктрины. Смысл ее в том, что она позволяет регулировать как тотальную (всеохватную) войну-хамелеон, так и процессы мирного развития. Специфика XX в., подчеркивает ген. Снесарев, в том, что война и поползла в тыл с поля боя и стала захватывать мирное время своими скрытными формами. Вот почему А.Е.Снесарев поставил вопрос о том, что единая военная доктрина должна быть производна от всей жизни общества и государства в триединстве их прошлого, настоящего и будущего. От организации и продуманного развития жизни общества в данном режиме зависит его историческое бытие. Полагаться на одни вооруженные силы (хотя бы и победоносные) как на пожарную команду ген. Снесарев не советует: Ганнибал и Наполеон не были разбиты на поле боя, но проиграли войну и сошли с исторической сцены. Их победили государства, мобилизовавшие на борьбу все силы и средства общества – и сделавшие это по

правилам высшей стратегии. Борьба по этим правилам позволяет не просто связать стратегией три модуса исторического времени (как предполагал ген. Леер). В океане истории действуют поверхностные и глубинные течения (материальные и духовные процессы). Ген. Снесарев советует изучать «длинные волны» истории, особенно общественного сознания, духовной культуры. Это позволит вести борьбу прежде всего за умы и души людей - либо их просвещая, либо манипулируя набором предрассудков и призраков. А.Е.Снесарев гораздо решительнее своих предшественников ставит вопрос о том, что войны нового поколения (если не ближайшего, то последующего) будут не людоедскими и кровавыми, а информационно-психологическими. Его слова о «единстве Давида с Голиафом» означают, что слабейший Давид не убьет сильнейшего Голиафа, а возьмет его в плен или даже привлечет на свою сторону. Тем самым в идею Клаузевица о войнах без жестоких боев и кровавых развязок вложен новый, радикальный смысл.

Конечно, ген. Снесарев знал идею своего младшего коллеги А.А.Свечина о всеохватной сети геополитического маневра, которая в руках инициативной стороны не оставит противнику никакой свободы действий. Это и есть «война наверняка» в высшем смысле. Но Свечин, в противоположность Клаузевицу (который недооценивал материальные факторы развития индустриального общества), переоценивал сторону материальную и недооценивал духовную. Поэтому его геополитическая сеть (вроде координатной сетки на карте) не могла быть действенной. Но она действенна при условии ведения информационно-психологической войны по Снесареву. Эта война может и должна расстроить и подорвать дух, смутить душу, а тем самым и стеснить тело противника; сделать то, к чему призывает и Клаузевиц: сберечь свои силы, истощить противника, одержать верх почти или вовсе без кровопролития. Указание на данную стратегию находим в приказе М.Д.Скобелева по экспедиционному корпусу в Закаспии (1880): «Вменяются в обязанность разного рода слухами и угрожающими действиями влиять на противника, с тем чтобы удержать его от действий, заставить его по возможности думать только о (пассивной) обороне... Нужно уметь работать без значительных потерь».

Но за этой непосредственной целью стратегии стоит последующая, еще более высокая и гуманная цель. Ген. Снесарев определяет цивилизацию как растянутую в историческую даль экономию материальных и духовных сил общества при условии их максимально результативного использования. Военная наука, читаем еще у Леера, призвана устранять хаос как войны, так и мира. Ген. Снесарев идет еще дальше и развивает мысль Клаузевица о том, что стратегия должна отражать

«размеренный ход вещей к совершенству». Но если Клаузевиц отводит здесь решающую роль гегелевскому «мировому духу», то А.Е.Снесарев - «мудрости вождей» (не природной - приобретенной). О ней ставили вопрос полк. Ф.Глинка, профессор Г.Мягков, митрополит Евгений (Болховитинов).

Эта мудрость как «благодать от Святого Духа», приобретенная собственным трудом познания, опытом своим и предшественников, позволила в 1902 г. А.Е.Снесареву (тогда еще капитану) на полях своего первого военно-географического описания Индии сформулировать кредо по-суворовски дерзновенной стратегии: «Не считая числа врагов, не смущаясь ничтожеством наших собственных сил, будем совершать обходы ближние и дальние, оставляя перед фронтом противника часть (сил) произвольно малую». В одной этой фразе вся суть древнейшего в мире военного трактата великого Сунь-цзы, что позволяет признать ген. Снесарева русским Сунь-цзы XX в. Об А.Е.Снесареве, как и о Сунь-цзы, воистину можно сказать: «Он писал как будто не вчера, а завтра».

Военная мысль России прошла тысячелетний тернистый путь. Долгое время она оставалась уделом практиков и слабо отражалась в науке. Если в 1732 г. был основан Сухопутный шляхетский корпус для воспитания образованных офицеров, служба Генштаба – учреждена еще через 31 год, Военная академия (впоследствии Генштаба) – через сто лет. Век Просвещения мало способствовал развитию военной мысли в науку. Философия находила «противоестественным» и «аморальным» совершенствование «искусства убивать». Военным же служба просто не оставляла времени писать теоретические работы. Это время нашлось было после победы 1812 г., но в период репрессий николаевского времени утвердилась догма «вечной неуязвимости» державы-победительницы. Хотя уже Канту напоминали, что «Вечный мир» – лишь название кабака у кенигсбергского кладбища, его урок не пошел впрок. Слепая вера в непобедимость и вечные опасения «крамолы» не способствовали развитию военной мысли и военной науки.

По определению ген. Свечина, военная интеллигенция – офицеры Генштаба - призвана быть новатором и революционером военного дела, стратегии, политики. Генштабисты героической эпохи наполеоновских войн отвечали этому требованию. За то они и были репрессированы в 1825 г., а гвардейский Генштаб – расформирован. В тридцатилетие всевластия бюрократии и цензуры Николая 1, муштры и гонений военная мысль с невероятным трудом пробивала себе дорогу. (Мудрые мысли ген. Д.Давыдова оставались как бы его личным делом, если не вовсе чудачеством ветерана.) Понадобилось целое столетие, чтобы качество военной мысли времен Суворова и Кутузова было сперва восстановлено, а затем

преумножено ген. Снесаревым, его учителями, единомышленниками, рядом учеников.

Главным из учителей А.Е.Снесарева без сомнения был зачастую обвиняемый в педантизме и прочих грехах Г.А.Леер. Обвинения в его адрес несправедливы: нелепо критиковать Державина за то, что он не Пушкин. А.Е.Снесарев (как и Скобелев, знаток и во многом последователь незаурядной стратегии Тимура, восходящей к традициям Сунь-цзы) определяет Генштаб как «тамерланов мозг». А чтобы подчеркнуть совершенство стратегии Тимура, указывает: это образцовая иллюстрация научной теории Леера. Взлет военной мысли России на рубеже XIX-XX вв. во многом подготовлен многолетним научно-педагогическим трудом ген. Леера. Он учил своих слушателей (среди них гениального А.Е.Снесарева), что «обязанность науки – не собирание случайных и отрывочных знаний, а внесение порядка в этот хаос». Ее конечная цель – выявление основополагающих причин и законов, «Изложение Основных Начал» (ИОНА; намек на библейского Иону в животе у кита – положение ученого в пещере фактов). Задача стратегии – всему придать характер целесообразности, все частные эпизоды «связать в одно гармоничное целое». Для этого необходимо, в частности, «найти во многом единое» и, главное, «примирить противоположности в их высшем единстве». Наконец, ген. Леер указал и средства достижения этих целей, которые и составляют «внутреннее достоинство стратегии»: преобладание Расчета над случайностью, внутреннее Единство, органичная Целостность, Планосообразность, Теснейшая внутренняя логическая связь сосуществования и последовательности, ведущая к Единству в Развитии (РЕЦЕПТ ЕР, или РЕЦЕПТЪ). Думается, что талантливый математик и способный разведчик А.Е.Снесарев не мог не прочесть этот код. Как бы то ни было, на основе таких канонов гению творить много легче. Ген. Снесарев не только продолжил труды Леера, но блестяще его превзошел, придал неожиданный смысл многим его перспективным идеям, в жизненность которых не верили. Один такой ученик обессмертит любого учителя.

Сам Леер вряд ли придавал вес идеям Д.Давыдова. А Д.Давыдов в своем «Опыте теории партизанского действия» делает вывод, что партизанская война хотя и не решает ни глобальных, ни локальных задач обычной войны, но – «подрезает корни» могущества противника. Мысль подп. Языкова о «корнях явлений» в данном контексте подсказывает, что военная мысль как искусство высшей стратегии способна подрезать реальные корни войны – в кратчайшие сроки и с минимальными потерями (даже для обеих сторон). В этом ее реальный, а не абстрактно-умозрительный гуманизм. Но это лишь программа-минимум

гуманизма военной мысли. Программа-максимум состоит в гармонизации мира в эпохи катастроф. На них и сосредоточил внимание А.Е.Снесарев. Он еще в 20-е гг. разработал статистический метод вычисления вероятностей природы и социальной истории, наметил стратегический метод предвидения любой их игры (искусство вождя-«пророка», полководца-провидца)., Овладев этим искусством и методом, одаренный благодатью мудрости, вождь становится проводником Провидения. Об этом и пишет преподаватель Новочеркасской военной гимназии (ее окончил А.Е.Снесарев!) сотник Леонов: «Указать России ее собственные силы, определить ее силам соразмерные сферы деятельности Провидением было назначено Петру Великому». Максима А.Е.Снесарева в стиле Сунь-цзы, приведенная ранее, как раз и соединяет идеи Д.Давыдова и Г.Леера в ту «критическую массу» стратегии, которая позволяет управлять ходом истории.

В своем фундаментальном труде «Введение в военную географию» ген. Снесарев пишет: «Закон есть формула соотношения явлений реального мира». Опиерирующий этими законами стратегический метод – «ключ к законам истории». Он позволяет не прозябать в постоянном страхе ударов судьбы, а по-суворовски управлять фортуной. Соотношение в принципе всех явлений мира указывает разработанная А.Е.Снесаревым формула совокупного геополитического могущества общества, государства, цивилизации («по образу и подобию Вселенной», как у Ф.Бэкона). Это «уравнение мира» (произведение материальных и духовных сил) - по-французски Equation DU Monde – в своей аббревиатуре EDUM звучит как eden («эдем», т.е. рай). Зная законы соотношения явлений мира, можно и должно их гармонизировать, по мере исторических сил и возможностей строя рай на земле. Традиционная китайская философия определяет это как «управление миром, помощь народам». Русская военная мысль реально подошла к разрешению данной сверхзадачи как в теории, так и на практике. Уяснение того факта, что мироздание регулируется принципом РЭР (Ресурс-Энергия-Работа) позволил А.Е.Снесареву органично преобразовать ценностно-целевой ресурс в понятийную энергию и рабочие приемы (технологии), далее столь же закономерно “одухотворив материю” (В.Соловьев).

Военная мысль России уже во второй половине прошлого века подошла к решению и другой сверхзадачи, над которой тысячелетиями бьются сотни мыслителей. Это проблема бессмертия человека. Жизнь и смерть – ежечасный предмет военной мысли и практики; к нему близка проблема бессмертия. Знаменитый врач и физиолог И.Мечников работал над проблемой «ортобиоза» – полноценной жизни и всецело естественной смерти. Полноценно-длительную жизнь можно, конечно, признать относительным бессмертием отдельного

человека в конкретный отрезок времени. Но это не глобальное решение проблемы.

Глобальное решение еще до Мечникова наметил 105 лет назад нач. Академии Генштаба Г.А.Леер в работе «Коренные вопросы»: носитель адекватного (и стратегически выверенного: «история – мудрость веков, живое созидание жизни») исторического сознания, субъект адекватной исторической деятельности живет сразу в настоящем, прошлом и будущем (Ф.Глинка неслучайно подчеркивает этот важный момент). А потому, как писал Юм, он «живет с начала мира и будет жить вечно». Труды жизни такого человека откладываются как результат в исторической памяти народов, их живом культурном наследии. Так история, - замечает ген. Леер, - остается «живым созиданием жизни»...

Русская военная мысль выходит далеко за военные рамки, решая гуманные задачи мироустройства. Критерии величия, мудрости и святости в российском сознании - тому лучшее свидетельство.